

УДК 82

**СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО («МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ»)
И М. ГОРЬКОГО («О МАЛЬЧИКЕ И ДЕВОЧКЕ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАМЁРЗЛИ»)**

© 2015 г.

О.С. Сухих, В.Н. Плющ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 14.05.2015

Рассматриваются рассказы «Мальчик у Христа на елке» Ф. Достоевского и «О мальчике и девочке, которые не замерзли» М. Горького. Анализируются сходства и различия на уровне тематики и проблематики, а также принципов поэтики. Основное внимание уделяется построению сюжета, системы образов, трансформации художественного пространства. На основании сравнительно-типологического исследования делаются выводы об отражении в рассказах мировоззренческих позиций авторов и об их соотношении. Доказывается, что трансформация художественного пространства, особенности сюжета, системы образов и стиля говорят о различиях во взглядах художников, но финалы произведений свидетельствуют о том, что есть и мировоззренческие сходства. Последние связаны с пониманием жизни как диалектической взаимосвязи светлого и тёмного.

Ключевые слова: Горький, Достоевский, святочный рассказ, сюжет, топос, система образов.

Жанр святочного рассказа в русской словесности 19 века был очень востребован – о его популярности можно косвенно судить по литературным источникам, в частности, по произведениям А. Аверченко: «Тысяча первая история о замерзающем мальчике», «История одного рассказа». Но они же свидетельствуют и о том, что святочный рассказ уже перешел в разряд клише.

Беззащитный и вызывающий сочувствие герой, канун Рождества, противопоставление страданий одного и счастья других – эта схема использовалась Диккенсом, но на русскую «почву» ее одним из первых перенес Ф.М. Достоевский в рассказе «Мальчик у Христа на елке». Достоевский объединил в этом произведении структурные элементы, использованные Диккенсом и ставшие традиционными, но в то же время по-новому «локализовал» рассказ, переменив место действия, внес изменения в сюжет, насытил повествование теми отличительными особенностями, которые позволяют говорить о его авторском стиле.

Вообще, святочные рассказы были призваны эмоционально воздействовать на читателя, проводя его от сострадания через сопереживание к облегчению. В качестве ключевого сюжетного хода они предполагали некое чудесное событие [1, 2]. Н.С. Лесков в «Жемчужном ожерелье» устами одного из персонажей говорит: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-

нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело...» [3, с. 220–221]. Так было в большинстве святочных рассказов, но не у Достоевского. Он заканчивает рассказ смертью героя, а не лубочной картинкой с обретшим дом и семью ребенком, поскольку для автора важнее не дать читателю успокоение, а побудить его к глубоким чувствам и мыслям. Сознательное нарушение канона Достоевским породило впоследствии уже свою традицию (хотя её можно связывать не только с Достоевским, но и с Андерсеном): стали появляться святочные рассказы, где главный герой погибает. Показательно то, что согласно концепции Достоевского ребенок находит утешение и радость там, где от людей уже ничего не зависит (на небесах). Этот сюжетный ход помогает поставить перед читателем вопрос, насколько мир готов измениться, чтобы святочные рассказы со счастливым концом стали реальностью, а не многократно упомянутым в сатире клише.

Подобным клише при рассмотрении святочных рассказов стоит уделить особое внимание, и причина этого связана с эволюцией жанра: «Жесткость жанровой формы святочного рассказа привела в конце концов к однообразию сюжетных схем» [4]. Во многих исследованиях, посвящённых этому вопросу, отмечается, что к святочному рассказу обращались как признанные русские писатели, так и безвестные сочинители, далеко не всегда талантливые, и во многом из-за последних жанр начал изживать

себя, и это, в частности, проявилось в появлении особых жанров – святочной пародии, сатирического святочного рассказа. Однако «те писатели, которые могли дать оригинальную и неожиданную трактовку «сверхъестественного» события, «нечистой силы», «рождественского чуда» и других основополагающих для святочной литературы компонентов, оказались в состоянии выйти за пределы привычного круговорота святочных сюжетов» [5]. Появлялись произведения, которые сохраняли формальные черты традиционного святочного рассказа, но по сути были его антагонистами. Рассказ Максима Горького «О мальчике и девочке, которые не замерзли» (1894 г.) – один из них.

Горький не выходит за рамки жанровых традиций, выбирая в качестве времени действия святочный вечер, а в качестве места – городскую улицу. Однако хотя рассказ благодаря такому хронотопу и выглядит как классическая рождественская история, от нее унаследованы только условности.

Горький дает понять это с первых же строк, иронизируя по поводу традиций жанра: «Я понимаю хорошие намерения авторов святочных рассказов, несмотря на их жестокость по отношению к своим персонажам; я знаю, что они, авторы, замораживают бедных детей для того, чтоб напомнить о их существовании богатым детям, но лично я не решусь заморозить ни одного бедного мальчика или девочки, даже и для такой вполне почтенной цели...» [6, с. 181]. В таком «предисловии» прослеживается изначальная авторская установка на противостояние сложившимся канонам.

При этом как в классическом святочном рассказе (у Диккенса), так и в рассказе Горького, в отличие от произведения Достоевского, история заканчивается благополучно. Однако разница состоит в том, что в традиционном варианте счастливый финал выглядит как чудо, приуроченное к празднику, – в рассказе Горького он преподносится, скорее, как закономерный результат действий героев (в основном Мишки), а праздничная рождественская атмосфера нивелируется.

Начало горьковского рассказа уже свидетельствует об интертекстуальных связях. Интертекстуальность подразумевает творческий диалог – и здесь он прослеживается явно: перед нами полемические отсылки к «Девочке со спичками» Андерсена и «Мальчику у Христа на елке» Достоевского. Горький изображает героя-мальчика, героиню-девочку, те же улицы равнодушного города, но вместо пассивности героев классики наделяет своих персонажей жизнестойкостью, активностью и самостоятельностью. Акцент в рассказе Горь-

кого смещается с темы страданий и гибели ребёнка на иное: во-первых, природа детского характера не изменяется даже в тяжелых условиях; во-вторых, герой святочного рассказа может избежать смерти совсем не по счастливой случайности, а благодаря своему характеру, своей способности противостоять обстоятельствам. Именно это качество, воплощённое по большей части в образе Мишки (о Катке же в рассказе говорится, что она могла бы замёрзнуть, не будь рядом её спутника), для Горького является «индикатором» настоящей личности. Через всё его творчество проходит мысль о том, что человека формирует его сопротивление жизненным обстоятельствам (особенно отчётливо эта мысль выражена в автобиографической трилогии), и в данном рассказе тоже можно увидеть эту горьковскую идею.

Рассказы Достоевского и Горького имеют в своей основе почти аналогичные *исходные ситуации* (дети оказываются на улице и предоставлены сами себе), но их *дальнейшее сюжетное развитие* различается.

У Достоевского большая часть рассказа посвящена страданиям маленького героя, и лишь в финале покой и утешение страдальцу несет елка у Христа. У Горького же из сюжетной цепи практически изымается страдание. Если говорить точнее, в рассказе Горького страдания героев тоже есть: Мишка и Катка вынуждены выходить на улицу в лохмотьях даже в мороз, они опасаются тётки и того, что дома им придётся плохо. Но всё это дано имплицитно, без подробностей, как бы нарисовано мимолётными штрихами и в основном в диалоге героев, где они мимоходом упоминают о событиях, происходивших ранее и, видимо, не однажды: «А как соберутся все, да плясать заставят, – хорошо? А то накачают тебя водкой, – опять рвать станет...» [6, с. 183]. Эти страшные по своей сути условия жизни осмысливаются самими героями как нечто обыденное, как неотъемлемая часть бытия, которой они не уделяют особого внимания. Их занимает другое: как оптимально действовать, чтобы выжить. Именно поэтому возникает впечатление, что в рассказе Горького как будто нет описания страданий. Здесь нет акцента на жалости к героям – утверждаются энергия и жизненная сила как самое действенное средство спасения. Такова позиция Горького в творческой полемике с Андерсеном и Достоевским, давшими импульс развитию той жанровой разновидности святочного рассказа, в которой трагическая судьба маленького героя призвана вызывать сочувствие со стороны читателя и благодаря этому – катарсис. Горький, который по прошествии нескольких лет в пьесе «На дне»

устаи Сатина провозгласит, что человека надо *не жалеть, а уважать*, пишет в своём рассказе о героях, которые не сдаются перед враждебными обстоятельствами (что могло бы вызвать жалость), а борются за выживание (что уже вызывает уважение). Собственно, в названии рассказа и заложена эта мысль.

Автор вселяет в читателя веру в благополучный исход самим движением повествования. Рассказ заканчивается тем, что герои (хотя и совершенно буднично) справились с проблемами, в качестве «чудесного» избавления от бед преподносится стойкий характер Мишки. Однако Горький, полемизируя с Достоевским, явно не ставил своей целью утверждение жанра святочного рассказа как идиллического произведения, заканчивающегося умильной сценой. Для Горького как реалиста гораздо важнее подойти к теме особым образом: соблюсти формальные принципы жанра (время, место, ввести в повествование постоянные для жанра образы), но не давать *исключительную* по своей природе сюжетную ситуацию, а акцентировать внимание на том, что для героев жизнь тяжела *всегда*. В классическом святочном рассказе герой в итоге обретает счастье; в рассказе Горького «счастье» больше похоже на передышку, к тому же автор прямо заявляет, что не исключена возможность гибели героев.

Если обратить внимание на **композиционное решение** рассказов «Мальчик у Христа на ёлке» и «О мальчике и девочке, которые не замёрзли», то можно отметить, что в обоих произведениях есть *обрамление из авторских рассуждений*. В том и в другом случае в этом обрамлении декларируется **место автора в перспективной структуре** произведения, а значит, и степень «власти» автора над персонажами. Достоевский пишет, что рассказанная им история лишь на первый взгляд является порождением его собственного сознания, на самом же деле она вполне реальна и могла бы произойти независимо от авторской воли. Горький же, наоборот, предстаёт автором-демиургом, в полной власти которого находятся судьбы героев: он может их «заморозить» или спасти и размышляет, как ему стоит с ними поступить. Однако художественная реальность в обоих случаях опровергает декларативные утверждения. Горький, в начале рассказа иронически рассуждавший о том, что он управляет судьбами героев, на самом деле позволяет событиям рассказа идти своим чередом; по сути, он не показывает ничего исключительного, более того, подчёркивает типичность происходящего. Достоевский же, писавший, что ему кажется, будто герой действительно существовал и стал жертвой обстоятельств вне зависимости от авторской воли, — Достоевский, наоборот, в финале рассказа пред-

стаёт в роли автора-демиурга: «И зачем же я сочинил такую историю <...> На то я и романист, чтоб выдумывать» [7, с. 19].

При сопоставлении рассказов Достоевского и Горького внимание привлекают, кроме сюжетно-композиционных особенностей, яркие **различия в способах подачи материала**.

В текстах обоих рассказов есть детали, характерные для *стиля* писателей: Достоевский приводит развернутые сравнения, использует экспрессивные обороты, которые вызывают в читателе эмоциональную реакцию и сочувствие к герою. Горький по сравнению с Достоевским пишет гораздо «суше» и лаконичнее, от описательности он уходит к действию; вместо прямого изображения эмоций героя на первый план выводятся диалоги. Реалистичности происходящему добавляют введенные в повествование детали, а также «разговорный» синтаксис и соответствующий подбор слов. Особенно ярко это проявляется в речи Мишки: для него характерно употребление просторечий, разговорной лексики (айда, брюхо, треснулся, даве, стяну, рази), бранных слов. Горький также использует синтаксически неполные предложения с многоточиями для достижения убедительности диалога.

Кроме сюжетики и стиля, обращает на себя внимание **топос** рассказов. В произведении Достоевского он постепенно расширяется. Сначала перед нами пространство мрачное, давящее и ограниченное: «Мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале» [7, с. 15]. Помещение, где начинается действие рассказа, автор красноречиво называет «углы», подчёркивая не только ограниченность, но и «тупиковость» пространства, где человек как будто заперт и не видит выхода. Затем пространство расширяется: герой оказывается на широкой улице, но это порождает ощущение не свободной перспективы, а опасности: «Вот и опять улица, — ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут...» [7, с. 17]. На этой широкой улице находится опять же тёмный и укромный уголок, где мальчик в конце концов замерзает. То есть пространство *сначала расширяется*, причём даже в этих раздвинутых рамках не находится приюта несчастному ребёнку, а *затем оно сужается и вновь возвращается к ограниченности, к углу, к тупику, что символизирует безвыходность ситуации*. Всё это происходит «внизу», как пишет автор. Но этому «низовому», то есть земному, человеческому ограниченному пространству *противопоставлено небесное, неограниченное, космическое*, где существуют тёплый и ясный свет, счастье и любовь. Это пространство изображено в финале рассказа по контрасту ко всем предыдущим характеристикам топоса и ко всему развитию действия.

Если же говорить о горьковском рассказе, то здесь трансформация художественного пространства происходит иначе. Сначала перед читателем улица, где появляются герои, причём подробного описания пространства нет, есть лишь упоминание о «тучках снега» вокруг и звёздах над крышами домов. В финале же пространство, наоборот, становится локальным, ограниченным – это трактир, где «пар, дым и кислый, одуряющий запах», а кроме того, «густая, дымчатая мгла» [6, с. 187].

В произведении Достоевского художественное пространство расширяется до космоса – в рассказе Горького сужается. Кульминационным моментом у Достоевского становится Христова ёлка – у Горького же сцена в трактире: «Вместо райского мира... в качестве места действия появляется русский трактир» [8]. В финале рассказа Достоевского герою открывается Небо, противопоставленное земле, – у Горького же небо лишь мельком упоминается в начале рассказа, при этом образ небесных звёзд выглядит не столько возвышенным, сколько ироническим: «Небо было ясно, и в нём сверкало много звёзд. Они сверкали так ярко, что казалось, будто их к этому вечеру кто-то прилежно вычистил щёткой с мелом, чего, конечно, не могло быть» [6, с. 182].

Герой Достоевского именно на Небе обретает истинную жизнь – герои Горького живут в земном мире, и не случайно они не обращают взгляд к небу: в горьковской атеистической мировоззренческой системе это было бы для героев не спасением, а лишь иллюзией, которая могла бы их погубить. Для них перспектива – только в уповании на собственные силы, и в этом одна из основных идей писателя, отражающих его жизненную позицию.

Рассказ Достоевского заканчивается *апофеозом христианского милосердия*, которое становится спасительным даже вне зависимости от веры, ведь в тексте нигде даже не упоминается, что мальчик обращается к Богу и верит в Его помощь. Финал рассказа Горького становится *апофеозом жизнестойкости и веры героев в собственные силы*. Пафос борьбы, противостояния обстоятельствам, вообще очень характерный для Горького, как уже упоминалось выше, нашёл своё воплощение в данном рассказе, причём не декларативное, а очень убедительное с художественной точки зрения.

Сходства и различия в проблематике и поэтике рассказов Достоевского и Горького касаются также *системы образов*. В системах образов обоих произведений существуют два мира: дети и взрослые. И между ними – конфликтные отношения. Достоевский показывает, как его герой пытается войти в дом, откуда его гонят, видя в нём обычного попрошайку, к которым

привыкли и уже не воспринимают их как страдающих и нуждающихся в помощи (вспомним начало рассказа, где автор упоминает о «мальчике с ручкой» как о целом социальном типе). Взрослые не видят страха ребёнка, его неопытности, наивности, его стремления найти приют, а не просто получить милостыню. Они вообще как будто не смотрят на маленького героя, не замечают его или же относятся к нему пренебрежительно и враждебно. В горьковском рассказе мир взрослых тоже отчуждён от героев: полицейский, тётка Анфиса, её гости – все они для Мишки и Катьки люди чужие и чуждые, от которых можно ждать только неприятностей, но никак не помощи. Если у Достоевского мальчик как будто впервые сталкивается с холодным и недружелюбным миром взрослых, то горьковские герои знают его достаточно хорошо.

В рассказе Достоевского к миру взрослых примыкают и образы «злых детей». По Достоевскому, и ребёнок способен на разрушительные действия и эмоции [9] (как Лиза или Илюшечка в «Братьях Карамазовых», как дети, преследовавшие Мари в «Идиоте»). Подросток, который ударил мальчика, в своём действии воплощает жестокость и враждебность мира, не замечаящего страданий. У Горького же героев-детей только двое – это главные персонажи, а противостоят им лишь взрослые: мир детей един и пока ещё не расколот злом и социальными противоречиями.

Достоевский выражает свою гуманистическую идею в «Мальчике у Христа на ёлке» с помощью *антитезы «бедность – богатство»*. Это помогает «напомнить об их [бедных детей]. – В.П., О.С.] существовании богатым детям» [6, с. 181]. Читатель, относящийся к состоятельной части общества, должен, по замыслу автора, увидеть себя со стороны и подумать о страдании, которое существует где-то рядом. У Горького подобной антитезы нет: «Нет освещённых окон и нарядных и чистеньких детей, нет их роскошных игрушек и сладких кондитерских изделий. Маленькие герои живут в своём мире, и этот мир не нуждается в противопоставлении с другим, лучшим или худшим миром «нормальных людей» [8]. Горький, который сам в социальном отношении является выходцем из мира катек и мишек, изображённых им, не рассчитывает на понимание и помощь со стороны хозяев жизни, как и его герои, – соответственно для него утрачивает смысл и антитеза, направленная на пробуждение совести «богатых детей». Горький сосредоточен на изображении внутренних закономерностей жизни самого по себе «бедного» мира. В нём тоже есть свои добро и зло: есть дети, поддерживающие и спасающие друг друга, а есть тётка Анфиса и её

гости, способные напоить ребёнка водкой и издеваться над ним. Кроме того, Горькому не требуется антитезы «бедность – богатство» по той причине, что у него другой подход к изображению обездоленности и несчастья: *нет необходимости живописать страдания – достаточно показать, от чего человек чувствует себя счастливым*. Точно так же, например, Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в главе «Счастливые» показывает людей, для которых счастье заключается в том, что репа хорошо уродилась или удалось «пропустить косушечку» и т. п. Такое понимание счастья лишь доказывает глубину несчастья. Горьковские Мишка и Катя счастливы постольку, поскольку им удалось согреться и поесть, – это уже становится свидетельством того, что же представляет собой их повседневная жизнь.

Финалы произведений на первый взгляд различны, но всё же в них есть и нечто общее. У Достоевского герой обретает счастье и спасение на небесах, на земле же остаётся замёрзшее тело. С одной стороны, финал оптимистичен: свет, тепло и гармония существуют, страдания не вечны – за ними следует награда. С другой же стороны, светлое начало воплощено не в земном мире, холодном и безразличном. Двойственное впечатление производит и финал горьковского рассказа. С одной стороны, герои благодаря своей жизнестойкости и дружбе способны выжить в любых условиях: «Они – поверьте мне – уж не замёрзнут! Они на своём месте...» [6, с. 188]. С другой же стороны, последняя фраза произведения далека от розового оптимизма: «По моему мнению, крайне нелепо замораживать детей, которые имеют полную возможность погибнуть более просто и естественно» [6, с. 188]. Это возвращает нас к рассказу Достоевского, где как раз приведено несколько вариантов такой «простой и естественной» гибели: «Одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие за-

дохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей во время самарского голода, четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду» [7, с. 18]. Ироничный Горький и сентиментальный Достоевский в конечном итоге **сходятся в «финальном аккорде», сочетающем в себе светлое и тёмное, жизнеутверждающее и гнетущее**. Причиной тому – сама действительность, которая представляет собой связь и тесное переплетение этих, казалось бы, противоположных начал.

Список литературы

1. Душечкина Е. Из истории святочного рассказа: от быличек до «Иронии судьбы...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.spbu.ru/?p=11755>.
2. Сопова А. Праздничный жанр – святочные рассказы [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Татьянин день». Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/158221.html>.
3. Лесков Н.С. Заметки неизвестного. М.: Директ-Медиа, 2010. 332 с.
4. Митрофанов М. Святочный рассказ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Покровской и Николаевской епархии. Режим доступа: http://pravpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=4815.
5. Душечкина Е. Святочный рассказ [Электронный ресурс] // Искусство. 2007. № 23. Режим доступа: <http://art.1september.ru/article.php?ID=200702305>.
6. Горький М. О мальчике и девочке, которые не замерзли // Горький М. Полное собрание сочинений: В 25 т. М., 1969. Т. 2. С. 181–188.
7. Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на елке // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 15–19.
8. Книгте А. Максим Горький: «О мальчике и девочке, которые не замерзли». //Блог «Неизвестный Горький» профессора славянской филологии А. Книгте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Neizvestnyj-gorkij.de/index.php?e=61.
9. Михнюкевич В.А. Поэтика детских образов Ф.М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. Филология. Челябинск, 1994. № 1. С. 21–29.

A CHRISTMAS STORY IN ARTISTIC COMPREHENSION OF F. DOSTOEVSKY («THE BEGGAR BOY AT CHRIST'S CHRISTMAS TREE») AND M. GORKY («ABOUT A BOY AND GIRL WHO WERE NOT FROZEN»)

O.S. Sukhikh, V.N. Plyushch

We examine short stories «The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree» by Fedor Dostoevsky and «About a Boy and Girl Who Were not Frozen» by Maxim Gorky. We analyze similarities and distinctions at the level of theme and problems raised, as well as at the level of poetics principles. The main focus of this article is on the plot structure, imagery and transformation of the fictional space. Based on the comparative-typological study we make certain conclusions regarding ways in which worldviews of each author are reflected in their short stories, and ways in which these worldviews are related. We prove that the transformation of the fictional space, distinctive features of the plot, imagery and style point to the differences in the authors' views, but also that the finales of the two short stories show that there are certain similarities in their worldviews. The latter can be attributed to the understanding of life as a dialectical interrelation between its light and dark aspects.

Keywords: Maxim Gorky, Dostoevsky, Christmas story, plot, topos, system of images.

References

1. Dushechkina E. Iz istorii svyatochnogo rasskaza: ot bylichek do «Ironii sud'by...» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://journal.spbu.ru/?p=11755>.
2. Sopova A. Prazdnichnyj zhanr – svyatochnye rasskazy [Elektronnyj resurs] // Internet-izdanie «Tat'yanin den'». Rezhim dostupa: <http://www.taday.ru/text/158221.html>.
3. Leskov N.S. Zametki neizvestnogo. M.: Direkt-Media, 2010. 332 s.
4. Mitrofanov M. Svyatochnyj rasskaz [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt Pokrovskoj i Nikolaevskoj eparhii. Rezhim dostupa: Pravpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=4815.
5. Dushechkina E. Svyatochnyj rasskaz [Elektronnyj resurs] // Iskusstvo. 2007. № 23. Rezhim dostupa: <http://art.1september.ru/article.php?ID=200702305>.
6. Gor'kij M. O mal'chike i devochke, kotorye ne zamerzli // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: V 25 t. M., 1969. T. 2. S. 181–188.
7. Dostoevskij F.M. Mal'chik u Hrista na elke // Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij: V 15 t. SPb., 1994. T. 13. S. 15–19.
8. Knigge A. Maksim Gor'kij: «O mal'chike i devochke, kotorye ne zamerzli». // Blog «Neizvestnyj Gor'kij» professora slavyanskoj filologii A. Knigge. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Neizvestnyj-gorkij.de/index.php?e=61.
9. Mihnyukevich V.A. Poehtika detskih obrazov F.M. Dostoevskogo v kontekste «narodnogo hristianstva» // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Ser. 2. Filologiya. Chelyabinsk, 1994. № 1. S. 21–29.